

МИРОВАЯ ФИЛОСОФСКАЯ МЫСЛЬ: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

М.А. Ведешкин

«Когда я вышел уже из детского возраста, мой путь лежал через труды Платона и Аристотеля»: Аристотель и перипатетическая традиция в куррикулуме Юлиана Отступника*

Ведешкин Михаил Александрович – кандидат исторических наук, научный сотрудник. Институт всеобщей истории РАН. Российская Федерация, 119334, г. Москва, Ленинский пр-т, 32а; e-mail: Balatar@mail.ru

Настоящая статья нацелена на выявление источников знаний императора Флавия Клавдия Юлиана о перипатетической философии и наследии Аристотеля посредством анализа философских интересов его учителей и наставников. В статье также дается оценка их влияния на становление будущего Отступника.

Ключевые слова: Юлиан Отступник, Аристотель, перипатетики, Поздняя Античность, образование в Поздней Античности

Император Флавий Клавдий Юлиан, вошедший в историю под прозвищем Отступник, был не только выдающимся реформатором и полководцем, но также талантливым литератором и оригинальным религиозным мыслителем. Исследователи творческого наследия императора справедливо выделяют прямую зависимость его теософских трудов от традиций теургической школы неоплатонизма. Вместе с тем образование Юлиана не ограничивалось изучением трудов Платона, Плотина, Порфирия и Ямвлиха. Мощное влияние на формирование философско-религиозной концепции императора оказали труды Аристотеля и философов-перипатетиков.

Несмотря на то, что в целом Юлиан оценивал Аристотеля ниже Платона¹, его преклонение перед Стагиритом несомненно. В своих трудах Юлиан не только часто упоминал об Аристотеле как о боговдохновенном мудреце [см., например: Юлиан. Ор. III. 107b; VI. 237c-d], но и обильно цитировал его произведения. Анализ трудов Юлиана позволяет утверждать, что император был знаком с достаточно значительной частью корпуса текстов Аристотеля. Так, в трактате «К царю Солнцу», посвященном центральному божеству теософии Юлиана Гелиосу, император доказывал первенство солярного божества среди прочих сил и животворное влияние светила на человека, апеллируя к таким сочинениям Стагирита, как «Физика», «О душе» и «Никомахова этика» [Юлиан. Ор. IV. 131b; 133d, 138a, 142d; 151d].

В трактате «К Матери богов» Юлиан, обосновывая божественную природу души и критикуя перипатетическую традицию Ксенарха и Теофраста, прибегал к терминологии и прямым цитатам из Аристотеля [Юлиан. Ор. V. 162-164; 178c]. Выступая против «невежественных киников», осмеливавшихся недостаточно почти-

* Работа выполнена в рамках Проекта (№ 15–18–300005), поддержанного РНФ.

¹ С точки зрения Юлиана, наследие Аристотеля должно было изучаться лишь в контексте платоновской традиции [Юлиан. Ор. V. 162b].

тельно отзываться о классической мифологической традиции, император полагал Аристотеля своим союзником и прибегал к его авторитету, защищая скрытые истины, якобы содержащиеся в древних преданиях [Юлиан. Or. VI. 185a; 190; 197d; 202d; Or. 217b; 236d; 237c-d]. **Одним из основных предметов знаменитого эпистолярного спора, разгоревшегося между Юлианом и философом Фемистием, являлся вопрос об истинном понимании разработанной в «Политике» концепции добродетельной жизни и соотношении достоинств жизни политической и теоретической** [Юлиан. Ep. Ad Them. 256c; 260d].

В целом среди всех упоминаемых и цитируемых Юлианом философов и писателей Аристотель стоит на третьем месте, уступая лишь Гомеру и Платону². Целью данной статьи является выявление источников знаний Юлиана о наследии Аристотеля и перипатетической традиции.

Впервые Юлиан столкнулся с творчеством Аристотеля в весьма юном возрасте. После убийства родни Юлиана в ходе инспирированного Констанцием II солдатского мятежа 337 г.³, мальчик был вверен заботам его родича – епископа Евсевия Никомедийского⁴, который приставил к ребенку внуха-варвара Мардония в качестве педагога. Мардоний был ответственен за воспитание и образование оставшегося сиротой мальчика с 337 по 342 г.⁵ Мардоний служил семье Юлиана на протяжении трех поколений и воспитывал еще его мать – Басилину⁶. Многолетнее изучение культурного наследия Греции сделало варвара-раба ревностным поклонником классической традиции. Судя по всему, ребенок был очень привязан к своему наставнику. В своих сочинениях Юлиан вспоминал о нем с неизменной теплотой и на протяжении всей жизни продолжал руководствоваться внушенными им идеалами [см.: Юлиан. Or. VIII. 241; Ep. ad Athen. 274; Misopog. 351ff]⁷. Согласно свидетельству самого императора, этот, как его называл Юлиан, «скиф» [см.: Юлиан. Misopog. 352a-b] **стал первым проводником Отступника в мир классической литературы и философии. Вероятно, именно от Мардония Юлиан получил первые знания об Аристотеле и его учении. В трактате «Мисопогон» император упоминал, что Мардоний почитал наследие Аристотеля наравне с трудами Платона и Теофраста и неизменно поддерживал своего подопечного в стремлении изучать философию** [Юлиан. Misopog. 353].

В 342 г. Юлиан и его единокровный брат Галл были сосланы в Македонию – одно из императорских поместий, расположенное в Каппадокии. Здесь к ним был приставлен штат христианских наставников, стремившихся воспитать молодых людей в духе новой веры [см.: Euparius. V. Soph. 473]. Несмотря на отмечаемую самим Юлианом «несерьезность» этих занятий [см.: Юлиан. Ep. ad Ath. 274], юноша все же нашел способ продолжить образование. Глава его наставников-надзирателей, о котором император в дальнейшем писал с нескрываемой неприязнью⁸, Георгий Каппадокийский имел весьма солидную библиотеку, включавшую в себя помимо христианской литературы подборку трудов по философии и риторике. Юлиану было позволено брать оттуда книги. За шесть лет пребывания в Македонии [см.: Юлиан. Ep. ad Athen. 271] молодой человек основательно с ней ознакомился [Юлиан. Ep. 51(107)]⁹. К сожалению, данных о трудах, составлявших эту библиотеку, не сохранилось. Впрочем, на-

² Анализ цитирований у Юлиана см. в [Bouffartigue, 1992, Ch. VIII; Schwarz, 1892].

³ Об уничтожении младших ветвей дома Констанция Хлора в 337 г. см. [Burgess, 2008].

⁴ О родстве епископа Евсевия и Юлиана упоминал Аммиан Марцеллин. См. [Ammianus. XXII. 9.4]. Так как Евсевий не был связан кровнородственными отношениями с домом Констанция Хлора, епископ несомненно являлся родичем Юлиана по матери.

⁵ Сам Юлиан писал, что он был вверен заботам Мардония в семилетнем возрасте [Юлиан. Misopog. 352]. Ср. [Libanius. Or. XVIII. 11].

⁶ См. [ibid.].

⁷ О благотворном влиянии внуха на будущего императора также писал Либаний [Libanius. Or. XVIII.11]. О нем же см. в [Soc. III. 1].

⁸ В письме к александрийцам, растерзавшим Георгия в декабре 361 г., император признавал, что его каппадокийский воспитатель был достоин подобной участи [Юлиан. Ep. 29(60)].

⁹ Нумерация писем Юлиана дается по изд. Фурмана, в скобках приведена нумерация изд. Биде.

личие в ней сочинений Аристотеля весьма вероятно. Юлиан вспоминал собрание Георгия как «богатейшую и громадную библиотеку трудов самых разных философов» [Юлиан. Ер. 50(106)]. Едва ли такая основательная коллекция не включала трудов одного из самых влиятельных философов античности.

В 348 г., после того как Галл был принят ко двору Констанция II, Юлиан был вызволен из Макеллума. Новым местом его пребывания был назначен Константинополь, где он продолжил свое обучение под руководством христианского софиста Экеболия¹⁰. Вероятно, в то же время будущий император начал слушать лекции недавно начавшего преподавать в столице философа Фемистия¹¹. Фемистий являлся виднейшим в IV столетии исследователем наследия Аристотеля. Его перу принадлежали известные как на грекоязычном Востоке, так и на латинском Западе парафразы Аристотеля¹², а также ряд учебных комментариев на различные трактаты Стагирита. Сам Юлиан впоследствии признавал, что его учитель был истинным знатоком творчества Аристотеля. Юлиан шутливо отмечал, что цитировать Аристотеля в письме к Фемистию так же бессмысленно, как и «привозить в Афины сову» [Юлиан. Ер. ad Themistius. 260]¹³. По прошествии более чем двадцати лет после смерти императора Фемистий упоминал, что Юлиан признавал за ним первенство среди современных философов [Themistius. Or. XXXI. 354]. Очевидно, во время занятий с Фемистием будущий император серьезно углубил свое знание перипатетической философии.

Несмотря на уважение, которое Юлиан испытывал к своему учителю, в их отношениях не было теплоты. Непреодолимой преградой между Фемистием и его учеником являлось то положение, которое константинопольский философ занимал при дворе ненавистного Юлиану Констанция II. Еще одним фактором, определившим напряженность отношений между Юлианом и Фемистием, станет коренное противоречие в оценке современных им философских школ. Фемистий принадлежал к числу комментаторов-формалистов, отрицавших распространенные в IV столетии мистические интерпретации наследия классических авторов и критически относившихся к популярности теургической школы Ямвлиха Халкидского с ее чрезмерным почтением к пифагорейству и халдейским оракулам [см.: Them. Or. XXIII. 295; Penella, 1999, p. 122, примеч. 25]. Его экзальтированный ученик, напротив, предпочитал пафос теургического богопознания аналитической традиции [см., например: Юлиан. Or. V. 162b]. Эти противоречия в итоге приведут к тому, что после вступления Юлиана на престол Фемистий не будет вхож в ближайшее окружение императора¹⁴. Обучение

¹⁰ О нем: [Jones, Martindale, Morris, 1971, p. 409].

¹¹ Факт обучения Юлиана у Фемистия является дискуссионным. Несмотря на то, что император в письме к Фемистию прямо упоминал о своем ученичестве у константинопольского философа [Юлиан. Ер. ad Them. 257; 259], ряд авторов продолжает отрицать ценность данного свидетельства. См., напр.: [Bouffartigue, 1992, p. 22, 299–300; Prato, Fomago, 1984, p. 47]. Большинство исследователей признают, что Юлиан все же брал уроки у Фемистия. См.: [Bradbury, 1987, p. 236; Brauch, 1993a; Daly, 1980, p. 2–3; Heather, Moncur, 2001, p. 139; Henck, 2001, p. 175; Smith, 1995, p. 27; Vanderspoel, 1995, p. 118]. О времени знакомства Юлиана с Фемистием см.: [Vanderspoel, 1995, p. 118].

¹² Фемистиевы парафразы «Первой» и «Второй Аналитики», переведенных на латинский язык знаменитым вождем римской языческой знати второй половины IV в. Веттием Агорием Претекстатом, пользовались широкой известностью на Западе на протяжении, по крайней мере, нескольких столетий. Именно их использовал Бозций [Boethius. Comm. In Arist. Peri Hermineas. II. 3–4].

¹³ Ср.: «в Тулу со своим самоваром».

¹⁴ Об отношениях Фемистия и Юлиана см.: [Daly, 1980; Elm, 2012, p. 82ff; Heather, Moncur, 2001, p. 138ff; Vanderspoel, 1995, p. 125–134]. Согласно данным Свиды, при Юлиане Фемистий занимал пост префекта Константинополя (Suda. Theta, 122). На это же намекает и сохранившийся арабский текст послания Фемистия к Юлиану (т. н. Risāla), переводчик которого Ибн Зура в заглавии обозначал Фемистия как «визиря» Юлиана [Vanderspoel, 1995, p. 241]. Эти свидетельства позволили некоторым исследователям утверждать, что Фемистий был близок к Юлиану, пользовался его расположением и действительно занимал пост префекта Константинополя в конце 361 – начале 362 г. См.: [Brauch, 1993b; Brauch, 1993a; Swain, 2013, p. 83–87]. По той причине, что ни один из современников (в том числе и сам Фемистий [см. в особенности: Themistius. Or. XXXIV]) не упоминал, что занимал какой-либо пост при Юлиане, данная точка зрения остается маргинальной.

Юлиана у Фемистия не могло продолжаться более двух лет. Уже в 350 г. август Константин, обеспокоенный ростом популярности Юлиана в столице, приказал юноше покинуть Константинополь и вернуться в Никомедию.

В 351 г. его старший брат Галл был провозглашен цезарем Востока, что дало Юлиану относительную свободу передвижения и выбора преподавателей. На протяжении последующих трех лет Юлиан обучался в крупнейших культурно-образовательных центрах Малой Азии. Именно тогда молодой человек впервые познакомился с исповедовавшими теургический неоплатонизм ямвлихианского толка представителями Пергамской школы. Это знакомство оказало решающее влияние на формирование религиозных и философских воззрений Отступника. Будущий император последовательно обучался у главы школы Эдесия Каппадокийского и его учеников: Евсевия Миндского, Хризафия Сардского и Максима Эфесского. Так как сочинения Эдесия не сохранились, невозможно с точностью установить влияние Аристотеля на его философскую концепцию. О том, что Эдесий считал изучение перипатетической традиции необходимым, свидетельствовал ученик Хризафия Евнапий Сардский, отмечавший, что первые годы занятий его наставника у Эдесия были посвящены изучению не только Платона, но и Аристотеля [Eunapius. V. Soph. 501]. Прямым указанием на ту высокую роль, которую занимал курс Аристотеля в школе Эдесия, является упоминание Юлиана о том, что изучением перипатетической традиции занимался один из известнейших учеников Эдесия – Приск Эпирский, посвятивший Аристотелю, по крайней мере, одно произведение [Юлиан. Ер. 2(6)].

Можно предположить, что, продолжая традиции учителя Эдесия – Ямвлиха Халкидского, неоплатоники пергамской школы прежде всего уделяли внимание трудам Аристотеля в плане их согласия с Платоном [см. Hadot, 2015, p. 65–73; Smith, 1995, p. 38]. Согласно ямвлиховой концепции, платонизм был прямым продолжением учения Пифагора – «божественного» основателя эллинской философии, а все положения Аристотеля, не согласовавшиеся с трудами пифагорейцев (например, Архита Таренского), считались заведомо неверными и происходили от недостатка понимания [Hadot, 2015, p. 68ff]. Сам Юлиан, слушавший лекции Эдесия, позднее упоминал, что «предположения Аристотеля несовершенны, когда они не приведены в согласие с положениями Платона» [Юлиан. Or. V. 162b]. Можно предположить, что читавшийся в школе Эдесия курс Аристотеля был выхолощен от всех положений, противоречащих Платону в рецепции ямвлихианской традиции.

Среди учеников Эдесия Юлиан всегда особенно отмечал Максима Эфесского. Мистик и теург Максим оказал решающее влияние на философское и религиозное становление императора. Очевидно, именно благодаря общению с ним Юлиан окончательно порвал с христианством и обратился к почитанию древних богов. Переписка Юлиана с Максимом свидетельствует о величайшем почтении, которое испытывал император к своему бывшему учителю, воспринимая его как духовного отца [см. Юлиан. Ер. 13(8); (12); (59)]. После своего вступления на престол Юлиан призвал Максима ко двору и окружил его высочайшими (а по мнению ряда современников, даже чрезмерными) почестями¹⁵.

Современникам Максим, «отвергавший любые логические исследования чудесного» [Eunapius. V. Soph. 470], запомнился в основном волхвованием [см.: *ibid.* 470–471], анимированием статуй [*ibid.* 476] и предсказаниями будущего [Theodoretus. HE. III. 28]. Однако обучение Юлиана в Эфесе едва ли ограничивалось изучением тайн теургии. Судя по свидетельствам философов последующих поколений, интересы мистика были гораздо обширнее. Неоплатоникам V–VI вв. Максим был известен прежде всего как комментатор Аристотеля. Согласно данным Симпликия, эфесский теург написал комментарий на «Категории» [Simplicius. In Cat. I. 13–16]

¹⁵ О влиянии Максима на Юлиана и его положении при дворе Отступника см. [Eunapius. V. Soph. 476–478; Ammianus. XXII. 7.3; XXIX. 1.42; Socrates. III. 1; Sozomenus. V. 2; Libanius. Or. XII. 34; XIII. 12; XIV. 32; XVIII. 155–156].

и «О небе» [Simplicius. In Arist. Phys. 4. P. 592. 6-10]. По свидетельству Аммония и Давида Анахта, Максим уделял пристальное внимание перипатетическому учению о силлогизмах. Продолжая традиции Теофраста, Боэта, Порфирия и Ямвлиха, Максим называл совершенными и не нуждающимися ни в чем постороннем все терминологически обоснованные силлогизмы. Тезисы Максима вызвали критику Фемистия, защищавшего аристотелевскую концепцию силлогизмов, согласно которой совершенными являлись лишь силлогизмы, построенные по первому типу¹⁶. Вандерспоел, опираясь на данные такого позднего источника, как Свида [Sud. Mu, 174], высказывал предположение, что споривший с Фемистием Максим – это не Максим Эфесский, а Максим Византийский [Vanderspoel, 1987]. Данная гипотеза опровергается сохранившимся в армянском переводе гораздо более ранним текстом «Толкования на Аналитику» Давида Анахта. В нем споривший с Фемистием Максим назван «Максимом Урхийским, учеником Ямвлиха» [Давид Непобедимый. In An. 11]. В поздней Античности и Средневековье армяне называли сирийскую Эдессу Урхой. Очевидно, что переводчик Давида Анахта с греческого на армянский принял имя учителя Максима – Эдесия за место его рождения. Максим Эфесский стал Максимом Эдесским, таким образом в тексте армянского переводчика появился Максим Урхийский. В оригинальном тексте Давида Максим должен был именоваться Максимом, учеником Эдесия, ученика Ямвлиха, что подтверждает и традиционную идентификацию участников спора, и интерес Максима к Аристотелю.

В начале 362 г.¹⁷ диспут двух философов был вынесен на суд их царственного ученика, который присудил победу Максиму [Ammonius In. An. Pr. I. 1.108; Давид Непобедимый. In An. 11]. Вероятно, именно этот спор побудил Юлиана написать сочинение «О трех типах»¹⁸ [ibid.; Sud. Iota, 437] – единственную из его работ, полностью посвященную перипатетической традиции.

Еще одним (и, пожалуй, самым неожиданным) наставником Юлиана, влияние которого могло сказаться на приобщении юноши к наследию Аристотеля, был странствующий христианский софист и философ, основатель арианской секты аномеев-евномииан – Аэций Антиохийский. Происходивший из низов римского общества и сменивший множество учителей Аэций смог получить превосходное образование и стать одним из наиболее оригинальных христианских мыслителей своей эпохи¹⁹. Из числа многих соперничавших богословов середины IV столетия Аэция выделяло превосходное знание Аристотеля. По свидетельствам современников, Аэция прославило именно виртуозное владение аристотелевской диалектикой, дававшее ему преимущество в теологических диспутах [Socrates. II. 35; Eriphanius. Panar. 56(76).2; Gregorius Nyssenus. Adv. Eunom. I. 6]. Около 351 г. он был представлен Галлу, в то время цезарю Востока, и вскоре стал его доверенным лицом и придворным богословом [Philostorgius. III. 27; Gregorius Nyssenus. Adv. Eunom. I. 6].

Узнав об общении младшего брата с язычниками и справедливо заподозрив его в вероотступничестве, Галл, стремившийся укрепить благочестие Юлиана, прислал к нему Аэция [Юлиан. Ep. 82W²⁰]²¹. В итоге Юлиану удалось развеять опасения Галла, убедив Аэция в своем искреннем следовании евангельским заветам [ibid.]. Несмотря на то, что Юлиан вынужденно обманывал своего нового знакомца, у юноши сложилось самое благоприятное впечатление о христианском философе. После своего

¹⁶ Памятником данной полемики является адресованное Юлиану сочинение Фемистия «Против Максима и Боэта», сохранившееся в арабском переводе. Франц. пер. данного сочинения см. в [Badawī, 1987, p. 166–180]. О споре см. подробнее [Barnes, 2014].

¹⁷ Если спор не проходил заочно, то первые месяцы 362 г. – единственное возможное время для данного диспута. Именно в это время и Юлиан, и Фемистий, и Максим находились в Константинополе.

¹⁸ До настоящего времени не сохранилось.

¹⁹ О происхождении и образовании Аэция см. [Philostorgius. III. 15-17] (с симпатией), [Eriphanius. Panar. 57(77); Gregorius Nyssenus. Adv. Eunom. I. 6; Suda. Alpha, 57] (в отрицательном ключе).

²⁰ Нумерация по изданию Райта.

²¹ Ср. [Philost. III. 27].

восшествия на константинопольский престол Юлиан вернул Аэция из изгнания, куда того отправил Констанций II, призвал его ко двору [Юлиан. Ep. 15(25); Soz. V. 5; Philostorgius. VI. 7] и даже подарил имение на Лесбоце [Philostorgius. IX. 4]. Можно предположить, что взаимная симпатия Аэция и Юлиана основывалась на общем для них преклонении перед философией Аристотеля.

В 354 г. Юлиан был вынужден снова прервать свои занятия. Подозрительный император Констанций II, только что казнивший единокровного брата Юлиана Галла, вызвал юношу ко двору. Более полугода Юлиан фактически находился на положении пленника. Лишь в начале 355 г., благодаря заступничеству императрицы Евсевии, ему было позволено вернуться к обучению. Новым местом его пребывания были назначены Афины – город, в IV в. остававшийся крупнейшим образовательным и культурным центром восточных провинций Римской империи. Здесь Юлиан прошел обряд инициации в Элевинские мистерии, обучался риторике у Гимерия и Проэресия и, кроме того, сдружился с еще одним учеником Эдесия, знатоком перипатетического учения Приском Эпирским. Приск стал последним из череды философов, всерьез повлиявших на молодого Юлиана. В своей переписке Юлиан отмечал, что не имеет полного права именоваться учеником Приска [Юлиан. Ep. 2(6)]. Вероятно, Юлиану не довелось лично слушать лекций Приска. Однако труды афинского философа, посвященные Аристотелю, произвели на Юлиана сильное впечатление. В своем письме к Приску император отмечал, что, прочитав это произведение, он стал не «тирсоносцем», но «вакхантом» Аристотелева учения [ibid.], т. е. из ученика превратился в посвященного²². Дружба Приска и Юлиана продлится многие годы. Приск будет навещать своего царственного друга в Галлии, а после захвата Юлианом верховной власти афинский неоплатоник станет наравне с Максимом ближайшим советником и придворным философом Отступника [см.: Jones, Martindale, Morris, 1971, p. 730].

После непродолжительного нахождения в Афинах Юлиан был снова вызван ко двору Констанция. Период ученичества Юлиана закончился. На исходе осени 355 г. молодой человек был облечен в цезарский пурпур и отправлен освобождать Галлию. Таким образом, практически все воспитатели и учителя, так или иначе повлиявшие на формирование философских и религиозных воззрений Юлиана, всерьез занимались изучением аристотелевского наследия и смогли привить будущему императору интерес к перипатетической философии.

Список литературы

Источники

Давид Непобедимый. – *Давид Анахт*. Соч. / Пер. с древнеарм. С.С. Аревшатяна. М.: Мысль, 1975. 262 с.

Юлиан. – *Император Юлиан*. Полн. собр. творений / Пер. Т.Г. Сидаша, Д.Е. Фурмана. СПб.: Квадривиум, 2016. 1088 с.

Ammianus – *Ammianus Marcellinus*. History. Vol. I–III / With an Eng. trans. by J.C. Rolfe. Cambridge; L.: Loeb Classical Library, 1935–1940.

Ammonius. In. An. Pr. – *Ammonii in Aristotelis Analyticorum priorum librum I commentarium*. Berolini: G. Reimeri, 1899. 98 S.

Boethius. Comm. In Arist. Peri Hermineas. – *Boethii Commentarii in librum Aristotelis peri hermeneias* / Ed. K. Meiser. Lipsiae: B.G. Teubner. 1877–1880.

Epiphanius. Panar. – *Epiphanius*. Opera Omnia // *Patrologia graeca* (далее – PG). Т. 41–43. Paris: J.P. Migne, 1858.

Eunapius. V. Soph. – *Eunapius*. Lives of the Philosophers and Sophists // *Philostratus and Eunapius. The Lives of the Sophists* / With an eng. trans. by W.C. Wright. L.; Cambridge: Loeb Classical Library, 1921. P. 343–565.

²² О прекрасном знании Приском творчества Аристотеля упоминал в своей переписке и Либаний. См. [Libanius. Ep. 947F].

- Gregorius Nyssenus. Adv. Eunom. – *Gregorius Nyssenus. Opera Omnia* // PG. T. 44–46. Paris: J.P. Migne, 1863.
- Libanius. – *Libanius. Opera*. Vol. I–XII. Leipzig: B.G. Teubner. 1903–1927.
- Philostorgius*. – *Philostorgius. Historia Ecclesiastica* // PG. T. 65. Paris: J.P. Migne, 1864. Col. 459–638.
- Simplicius. In Arist. Phys. – *Simplicius. On Aristotle Physics 4.1–5 and 10–14* / Trans. by J.O. Urmson. L.: Bloomsbury, 1992. 232 p.
- Simplicius. In Cat. – *Simplicius. On Aristotle, Categories 1–4* / Trans. by M. Chase. L.: Duckworth, 2003. 191 p.
- Socrates. – *Socrates Scholasticus. Historia ecclesiastica* // PG. T. 67. Paris: J.P. Migne, 1859. Col. 30–843.
- Sozomenus. – *Sozomenus. Historia ecclesiastica* // PG. T. 67. Paris: J.P. Migne, 1859. Col. 843–1131.
- Sud. – Suda On Line. URL: <http://www.stoa.org/sol/> (дата обращения: 25.04.17).
- Themistius. Or. – *Themistii orationes quae supersunt*. Vol. 1–3 / Ed. by H. Schenkl, G. Downey. Lpz., 1965–1974.
- Theodoretus. HE. – *Theodoretus. Opera Omnia* // PG. T. 80–84. Paris: J.P. Migne, 1864.

Исследования

- Burgess, 2008 – *Burgess R.W.* The Summer of Blood: The «Great Massacre» of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine // *Dumbart. Oaks Pap.* 2008. T. 62. P. 5–51.
- Badawī, 1987 – *Badawī 'Abd al-Rahmān.* La transmission de la philosophie grecque au monde arabe. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1987. 218 p.
- Barnes, 2014 – *Barnes J.* Boethius and Finished Syllogisms // *Strategies of Argument: Essays in Ancient Ethics, Epistemology, and Logic* / Ed. by M.-K. Lee. N. Y.: Oxford University Press, 2014. P. 175–198.
- Bouffartigue, 1992 – *Bouffartigue J.* L'Empereur Julien et la culture de son temps. Paris: Etudes augustinienes, 1992. 752 p.
- Bradbury, 1987 – *Bradbury S.* The Date of Julian's Letter to Themistius // *Greek Roman Byzantine Stud.* 1987. T. 28. no. 2. P. 235–251.
- Brauch, 1993a – *Brauch T.* Themistius and the Emperor Julian // *Byzantion.* 1993a. T. 63. P. 79–115.
- Brauch, 1993b – *Brauch T.* The Prefect of Constantinople for 362 AD: Themistius // *Byzantion.* 1993b. T. 63. P. 37–78.
- Daly, 1980 – *Daly L.J.* In a Borderland: Themistius' Ambivalence toward Julian // *Byzantinische Z.* 1980. T. 73. no. 1. P. 1–11.
- Elm, 2012 – *Elm S.* Sons of Hellenism, Fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome. Berkeley: University of California Press, 2012. 576 p.
- Hadot, 2015 – *Hadot I.* Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato. Leiden: BRILL, 2015. 198 p.
- Heather, Moncur, 2001 – *Heather P., Moncur D.* Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations. Liverpool: Liverpool University Press, 2001. 320 p.
- Henck, 2001 – *Henck N.* Constantius' paideia, Intellectual Milieu and Promotion of the Liberal Arts // *Camb. Class. J.* 2001. T. 47. P. 172–187.
- Jones, Martindale, Morris, 1971 – *Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J.* The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 1176 p.
- Penella, 1999 – *Penella R.J.* The Private Orations of Themistius. Berkeley: University of California Press, 1999. 271 p.
- Prato, 1984 – *Prato C., Fomaro A.* Giuliano Imperatore: Epistola a Temistio. Lecce: Milella, 1984. 101 p.
- Schwarz, 1892 – *Schwarz W.* Julianstudien // *Philologus.* 1892. no. 51. P. 623–653.
- Smith, 1995 – *Smith R.* Julian's Gods: Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate. L.; N. Y.: Routledge, 1995. 301 p.
- Swain, 2013 – *Swain S.* Themistius, Julian and Greek Political Theory under Rome. Cambridge; N. Y.: Cambridge University Press, 2013. 229 p.

Vanderspoel, 1987 – *Vanderspoel J.* The Fourth Century Philosopher Maximus of Byzantium // *Anc. Hist. Bull.* 1987. Т. 1. no. 3. P. 71–74.

Vanderspoel, 1995 – *Vanderspoel J.* Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 308 p.

“After my nurture in childhood, my path took me through the discourses of Plato and Aristotle”: Aristotle and the Peripatetic Tradition in the curriculum of Julian the Apostate

Mikhail Vedeshkin

PhD in History, Research Fellow. Institute of World History, Russian Academy of Sciences. 32a Leninsky av., 119334, Moscow, Russian Federation; e-mail: Balatar@mail.ru

The present article examines the sources of Emperor Flavius Claudius Julian’s knowledge of peripatetic philosophy and the legacy of Aristotle, through analysis of philosophical interests of his tutors and mentors as well as their influence on the personal development of the future Apostate.

Keywords: Julian the Apostate, Aristotle, Peripatetics, Late Antiquity, education in Late Antiquity

References

Primary sources

David the Invincible. *Sochineniya* [Works], trans. by S.S. Arevshatyan. Moscow: Mysl’ Publ., 1975. 262 p. (In Russian)

Emperor Julian. *Polnoe sobranie tvorenii* [Complete Works], trans. by T.G. Sidash, D.E. Furman. St.-Petersburg: Kvadrivium, 2016. 1088 S. (In Russian)

Ammianus Marcellinus. *History*. Vol. I–III, with an eng. trans. by J.C. Rolfe. Cambridge; London: Loeb Classical Library, 1935–1940.

Ammonii in Aristotelis Analyticorum priorum librum I commentarium. Berolini: G. Reimeri, 1899. 98 s.

Boethii Commentarii in librum Aristotelis peri hermeneias, ed. by K. Meiser. Lipsiae: B.G. Teubner. 1877–1880.

Epiphanius. Opera Omnia. In: *PG*, t. 41–43. Paris: J.P. Migne, 1858.

Eunapius. Lives of the Philosophers and Sophists. In: Philostratus and Eunapius. *The Lives of the Sophists*, with an Eng. trans. by W.C. Wright. London; Cambridge: Loeb Classical Library, 1921. P. 343–565.

Gregorius Nyssenus. Opera Omnia. In: *PG*, t. 44–46. Paris: J. P. Migne, 1863.

Libanius. *Opera*, vol. I–XII. Leipzig: B.G. Teubner. 1903–1927.

Philostorgius. *Historia Ecclesiastica*. In: *PG*, t. 65. Paris: J.P. Migne, 1864. Col. 459–638.

Simplicius. *On Aristotle Physics 4.1–5 and 10–14*, trans. by J.O. Urmson. London: Bloomsbury, 1992. 232 p.

Simplicius. *On Aristotle, Categories 1–4*, trans. by M. Chase. London: Duckworth, 2003. 191 p.

Socrates Scholasticus. *Historia ecclesiastica*. In: *PG*, t. 67. Paris: J.P. Migne, 1859. Col. 30–843.

Sozomenus. *Historia ecclesiastica*. In: *PG*, t. 67. Paris: J.P. Migne, 1859. Col. 843–1131.

Suda On Line. 2000–2016 Available at: <http://www.stoa.org/sol/> (accessed: 25.04.2017).

Themistii orationes quae supersunt, vol. 1–3, ed. H. Schenkl, G. Downey. Lpz., 1965–1974.

Theodoretus. Opera Omnia. In: *PG*, t. 80–84. Paris: J.P. Migne, 1864.

Secondary sources

Burgess R.W. The Summer of Blood: The “Great Massacre” of 337 and the Promotion of the Sons of Constantine, *Dumbart. Oaks Pap*, 2008, t. 62, pp. 5–51.

Badawī ‘Abd al-Rahmān. *La transmission de la philosophie grecque au monde arabe*. Paris: Librairie Philosophique J. Vrin, 1987. 218 p.

- Hadot I. *Athenian and Alexandrian Neoplatonism and the Harmonization of Aristotle and Plato*. Leiden: BRILL, 2015. 198 p.
- Barnes J. Boethius and Finished Syllogisms, *Strategies of Argument: Essays in Ancient Ethics, Epistemology, and Logic*, ed. by M.-K. Lee. New York: Oxford University Press, 2014, pp. 175–198.
- Bouffartigue J. *L'Empereur Julien et la culture de son temps*. Paris: Etudes augustinienes, 1992. 752 p.
- Bradbury S. The Date of Julian's Letter to Themistius, *Greek Roman Byzantine Stud.*, 1987, vol. 28, no. 2, pp. 235–251.
- Brauch T. Themistius and the Emperor Julian, *Byzantion*, 1993a, vol. 63, pp. 79–115.
- Brauch T. The Prefect of Constantinople for 362 AD: Themistius, *Byzantion*, 1993b, vol. 63, pp. 37–78.
- Daly L.J. In a Borderland: Themistius' Ambivalence toward Julian, *Byzantinische Z.*, 1980, vol. 73, no. 1, pp. 1–11.
- Elm S. *Sons of Hellenism, Fathers of the Church: Emperor Julian, Gregory of Nazianzus, and the Vision of Rome*. Berkeley: University of California Press, 2012. 576 p.
- Heather P., Moncur D. *Politics, Philosophy and Empire in the Fourth Century: Themistius' Select Orations*. Liverpool: Liverpool University Press, 2001. 320 p.
- Henck N. Constantius' paideia, Intellectual Milieu and Promotion of the Liberal Arts, *Camb. Class. J.*, 2001, vol. 47, pp. 172–187.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. *The Prosopography of the Later Roman Empire*. Vol. I. A.D. 260–395. Cambridge: Cambridge University Press, 1971. 1176 p.
- Penella R.J. *The Private Orations of Themistius*. Berkeley: University of California Press, 1999. 271 p.
- Prato C., Fomaro A. *Giuliano Imperatore: Epistola a Temistio*. Lecce: Milella, 1984. 101 p.
- Schwarz W. Julianstudien, *Philologus*, 1892, no. 51, pp. 623–653.
- Smith R. *Julian's Gods: Religion and Philosophy in the Thought and Action of Julian the Apostate*. London; New York: Routledge, 1995. 301 p.
- Swain S. *Themistius, Julian and Greek Political Theory under Rome*. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 2013. 229 p.
- Vanderspoel J. *The Fourth Century Philosopher Maximus of Byzantium*, *Anc. Hist. Bull.*, 1987, vol. 1, no. 3, pp. 71–74.
- Vanderspoel J. *Themistius and the Imperial Court: Oratory, Civic Duty, and Paideia from Constantius to Theodosius*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1995. 308 p.